

УДК 39(571.63)(=941.135)

Старцев А.Ф.

Религиозные воззрения и культовые сооружения тазов Приморского края

Специальных исследований по проблеме культовых сооружений тазов и процесса общения людей с духами природы в историко-этнографической литературе нет, хотя разрозненные материалы о религиозных воззрениях тазов имеются в трудах В.К. Арсеньева, С.Н. Браиловского и частично Л.И. Сём. Именно публикации этих исследований положены в основу настоящей статьи и дополнены другими источниками, в том числе и материалами исследований автора, выявленных в процессе полевых работ среди тазов с. Михайловки Ольгинского района в 1971–1973, 1993 и 2011 гг.

По мировоззрению тазов и аборигенного населения Приморья и Приамурья считается, что природа живая, управляется добрыми и злыми духами, которые во множестве населяют окружающий мир. Пользуясь своей невидимостью, они зорко следят за человеком и управляют не только людьми, но и всеми живыми существами на земле [14, с. 56].

По мнению тазов, каждое живое существо имеет своих предводителей или начальников, известных у тунгусо-маньчжурских этносов Приамурья, Приморья и Сахалина под терминами *эзэ*; *эзэн*; *эзэни*¹ [12, с. 438]. С.Н. Браиловский отмечал, что по верованиям тазов или удэгейцев каждый вид зверя имел своего бога – хозяина: "у медведей свой бог, у соболей свой, у рыб свой. Они таких богов называют "хозяева" [7, с. 184].

Божеств и хозяев природы у тазов много, и все они живут в недостижимом для человека мире. К сожалению, тазы только знают об их существовании в Верхнем (небесном), Среднем (земном) и Нижнем (подземном) мирах. Каждое божество того или иного мира имеет своё имя, многочисленных помощников – местных *эзэней* – хозяев живых существ и природных объектов.

К наиболее важным божествам и хозяевам природы, с которыми тазы регулярно "общались", относятся владыка Верхнего мира *Лао-е* и его ближайший помощник – управляющий земным миром – *Сан-сын-е* (*Сансы*). Для каждого аборигена Приморского края, в частности этнической группы тазов Ольгинского района, Средним или земным миром является та территория, на которой осуществляется хозяйственная деятельность местных и пришлых охотников, рыболовов или собирателей. Поэтому, по верованиям тазов, территорией обитания людей в первую очередь управляет Верховное божество *Лао-е* со своим ближайшим помощником – хозяином гор или управляющим земным миром *Сан-сын-е* (*Санси*, *Сансы*) [15, с. 87]. Следует особо сказать, что уссурийские нанайцы хозяина гор называют именем *Санси ё*, а нанайцы низовьев Амура – *Санси* [16, с. 395]. Аналогичное воззрение на окружающую природу наблюдается и в этнических представлениях корейцев, у которых "универсальным для всех районов является название повелителя гор *Сансин* [10, с. 46], а тигр являлся хозяином гор, которому молились, "чтобы обезопасить горные дороги и перевалы, а также свои селения" [10, с. 47].

Идентичное название хозяина или повелителя гор у тазов и корейцев свидетельствует не только о близких этнокультурных контактах тазов с корейцами, но возможном существовании и этногенетические связи прошлых

¹ Буква "Э", в отмеченных терминах, в произношении звучит как "ДЖ", т.е. "эджэ", "эджэн", "эджэни".

столетий. Иначе говоря, местное божество тазов *Сан-сын-е*, своим названием тесно связывается с духовной культурной корейцев.

По своим функциональным обязанностям местное божество тазов *Сан-сын-е* идентично удэгейскому хозяину тайги *Онку*, имевшему ближайшего помощника *Уонки* – карлика с чёрным лицом, одетого в шубу из меха кабарги, выполнявшего все приказания хозяина тайги (АОИАК². Ф. 1. Оп. 1. Д. 27. Л. 248). В отличие от мифического удэгейского *Уонки*, которого никто и никогда не видел, но все знали о его существовании, тазы во время промыслов в тайге часто встречали "царя зверей" – тигра *ломаза*. Тигр, по их мнению, был ближайшим помощником хозяина тайги *Сан-сын-е*. Считалось, что этот тотемный зверь управлял всеми хозяевами местной фауны [11, с. 932]. Это по его приказу нуждающемуся тазу-охотнику навстречу выходил изюбр, чтобы своей плотью накормить семью промысловика. В качестве благодарности охотник одаривал хозяина тайги и его помощника горсткой свежей крови и кусочком сердца [15, с. 87].

Процесс поклонения божествам и духам природы возлагался на деда по материнской линии, который по номенклатуре родства тазов, как и Верховное небесное божество, имел название *Лао-е* (кит. термин *вайцзуфу*). У нанайцев Нижнего Амура дух предков имел название *Лаои* [16, с. 395]. Идентичные названия Небесного божества и старого человека связываются с почитанием культа предка как среди тазов и нанайцев, так и китайцев северной Маньчжурии. Считается, что дух предков (*Лао-е* – тазы; *Лаои* нанайцы) и Верховное божество *Лао-е* оказывали практическую помощь законопослушным людям, поэтому в мартовские дни поминовения усопших *Чин Мин* [11, с. 932] все тазы посещают семейные кладбища, посыпают зерном могилку, жгут бумажные купюры, сообщают умершим о своих делах, а если возникала необходимость, просили оказать помощь в хозяйственных делах или не беспокоить живых.

Идентичность имен Верховного божества, деда по материнской линии и духа предков свидетельствует о высоком статусе деда – отца матери. Тазы этого человека ставят в один ряд с Верховным божеством и духом предка, потому что повелитель Верхнего мира *Лао-е* и дух предка *Лао-е* у тазов имели одинаковые обязанности: обеспечивать семейство таза всеми средствами, необходимыми для продолжения "рода". Верховный владыка и дух предка, пользуясь своей невидимостью, зорко отслеживали каждый шаг человека, "требовали" от него соблюдения неписаных законов (обычного права) общества, письменно фиксированных законов территории обитания тазов. Кроме этого, они "охраняли" тазов от диких животных, "оказывали" помощь в добыче пушных и мясных зверей, "сохраняли" им здоровье и т.д. Все тазы знают это. Поэтому при отсутствии деда по материнской линии между Верховным божеством и людьми, с одной стороны, между людьми и духом предка – с другой, – выступал как бы в роли посредника самый старший и уважаемый человек общины или старший таз из большой или малой семьи, тоже звавшийся именем – *Лао-е*. Именно на него возлагалась честь всегда обращаться к божествам, духам и хозяевам природы с просьбами об оказании помощи в промысловой деятельности, сохранении здоровья тазовского семейства. Иначе говоря, уже само обращение старого таза, наделённого почётным званием *Лао-е* – "хранитель закона", к Верховному повелителю или духу предков было гарантией экономического и физического благополучия семьи промысловика.

В данной статье автор ставит цель не только отразить "практическую" деятельность божеств и хозяев природы в жизни тазов, но и показать, где, как и когда осуществлялся процесс общения тазов с божествами и духами природы.

Общение тазов с Верховным божеством *Лао-е* или хозяином тайги *Сан сын е*, духами деревьев, реки, земли, дорог или духами предков осуществлялось в ритуальных постройках – кумирнях *лао-ин-фу* [11, с. 931]. "На всех дорогах, идущих через горы, на самых перевалах, всюду можно видеть маленькие кумирни из дерева или сложенные из дикого камня с изображением богов, – отмечал В.К. Арсеньев. – Кумирни эти поставлены китайскими охотниками и искателями женьшеня. Тут же, где-нибудь поблизости, пове-

² АОИАК – Архив Общества изучения Амурского края

шены на дереве лоскутки красного кумача с надписями, сделанными тушью, следующего содержания: "Господину истинному духу гор, охраняющему и леса... Владыке гор и лесов, охраняющему природу богатства. Если просишь, то непременно и обещаешь – тогда просящему нет отказа..." [4, с. 214].

Кумирни тазов были трёх видов: общественные – *лаоинфу*, семейные – *лао-е-мяо* или *мёо* и промысловые – *лао пату*.

Общественные кумирни или моленные домики *лаоинфу* строились в лесу, на вершинах перевалов или в больших селениях [11, с. 932]. "Это нечто вроде часовни или храма таких размеров, что едва вместится пять молящихся. Длина такого храма не более двух сажен³; ширина 1 или 1,5 саж.; высота около 2 саж. Строится он из дерева; крыт соломой, травой и тёсом. Крыша – двускатная. На лицевой стороне – одностворчатая дверь. С мелкорешетчатой верхней частью, которая с внутренней стороны выклеена прозрачной китайской бумагой. Иногда кумирня окружается жердевым или досчатым забором, с лицевой стороны которого имеется дверь. Забор – не высокий, не выше двух аршин⁴. Перед храмом, внутри ограды или вне её, ставится два деревянных шеста, иногда окрашенных в разноцветную краску" [7, с. 109].

С.Н. Браиловский отмечал, что при каждом поселении тазов обязательно имеется общественная китайская кумирня, которая во всех селениях строилась почти одинаково. Это "небольшое, около 4-х аршин в длину и ширину, здание, с двускатною крышею из соломы ... Вся она выстроена из дерева, но задняя и боковые стены тщательно обмазаны глиною. Лицевая сторона, раскрашенная красным, жёлтым, белым и чёрным цветами, имеет двустворчатую входную дверь, над которою – навесик, поддерживаемый двумя столбами. Против этой двери, в расстоянии сажени, вкопаны два трёхсаженных, окрашенных в красный цвет, шеста, с различными украшениями; верхи шестов – копьевидны и позолочены. Внутри кумирня убрана так. На стене, против входной двери, наклеено печатное изображение различных богов, нечто вроде наших религиозных картин. Тут были: царь богов Лаое, бог дождя Лун-ван, бог лошадей Мао-ван, бог богатства Шань-жень, бог войны Хуи-дзы, бог земледелия – Тху-ды и другие. Перед изображением богов – жертвенник, имеющий форму продолговатого стола; на жертвеннике пять красных деревянных чашечек с палочками и два подсвечника. Кроме того, на других стенах висели досочки с китайскими письменами, вероятно, молитвенные изречения" [7, с. 182].

В общественной кумирне ритуал поклонения верховным и местным божествам в торжественной обстановке осуществлялся преимущественно в праздничные дни. Начало поклонения божествам возвещалось двумя или несколькими китайскими ракетами.

Поклонение божествам осуществляется следующим образом: старший из группы тазов становится на колени, ставит в плоские зажжённые свечи, которые не горят, а медленно тлеют, испуская струйки пахучего дыма. Он читает молитву, а присутствующие в кумирне люди за ним повторяют. В содержании молитвы обычно имеется просьба к Владыке неба *Лаое* дать людям здоровье и оказать помощь в промыслах: "дай нам изюбря или козулю; у нас уже давно нет съестных припасов; недавно я видел изюбря, но было далеко, и я не мог стрелять. Пожалуйста, пришли нам изюбря или козулю" [7, с. 182]. Считается, что после такой просьбы, Всевышний бог идёт навстречу своим подданным и приказывает своему помощнику тигру *ломаза* выгнать на охотника нужного зверя.

Семейная кумирня – *лао-е-мяо* или *мёо* – ставилась в сотне шагов от фанзы, на пашнях или огородах, ближе к тайге, в укромных местах усадьбы.

Одна из таких семейных кумирен обращала на себя особое внимание, отмечал Браиловский. "Она представляла из себя вид маленького рубленого деревянного дома в 1 аршин в квадрате с двускатной крышей, с хорошо отделанными дверями. Снаружи дверей сделано крылечко, на котором стоит два деревянных идола, изображающие стоящих людей. Внутри домика висели в

³ Сажень – мера длины равная 213,3 см.

⁴ Аршин – мера длины равная 71,1 см.

деревянной обтянутой китайской бумагой клетке два свинцовых идола в 2,5 вершка⁵ каждый... " [7, с. 183].

В.К. Арсеньеву удалось зафиксировать и другое обустройство кумирни, поставленной на территории усадьбы. "Шагах в ста от фанзы, в стороне, ставится небольшая кумирня (Лао-е-мяо), всегда обращённая лицом к югу. В кумирне наклеены картины религиозного содержания, перед которыми стоят деревянные чашечки грубой работы с золой и с огарками бумажных свечей (сян). Тут же лежат позолоченные палочки для еды (куай-цзы), варёный рис, чумиза, кусочек сахара и т.п." [5, с. 394]. Снаружи кумирни имелось два-три красных флажка, на одном из них тушью было написано, что эта кумирня является местом обитания духа деревьев, духа реки, духа земли, духа гор (тигра), духа дорог и других божеств и духов природы, а на другом флажке имелся перечень имён "жертводателей", кто осуществлял ритуал поклонения этим духам [5, с. 395].

В каждой семейной кумирне *Лао-е-мяо* или *мёо* проживал семейный бог *лойфу*. По представлениям тазов в семейной кумирне вместе с семейным покровителем жил и дух (бог) деревьев *Лобату*. Оба эти божества не имеют жён, в семейной кумирне они изображались в рисунках или фиксировались китайскими иероглифами на разных дощечках. Дух деревьев или местности *Лао пату* (Лобату – Л.И. Сём) – один из помощников хозяина гор и таёжных отрогов Уссурийского края *Сан-сын-е*. Это божество оказывает адресную помощь тому человеку, который напрямую обращается к нему за помощью в поисках женьшеня или добыче копытных или пушных животных. Если корневщик после своей просьбы находил корень женьшеня или охотник добывал какого-либо зверя, то хозяину местности *Лао пату* (*Лобату*) чуть в стороне от найденного корня льют на землю водку и благодарят духа за помощь. Если это был охотник, то он при свежании зверя брызгал кровью на три стороны света, но не на запад, и тоже благодарил хозяина местности за помощь.

В семейной кумирне главы семейств тазов обычно обращались к верховным божествам и просили хорошего здоровья для членов семьи, хорошего урожая зерновых и овощей и удачи в таёжных промыслах и других хозяйственных делах.

Промысловая кумирня *Лао пату* всегда сооружалась на приметных деревьях, на вершинах сопок или на перевалах, где, как считали тазы-промысловики, любил отдыхать дух деревьев или хозяин местности. В честь этого духа, оказывавшего помощь охотникам и корневщикам, сооружалась и кумирня, название которой, как и имя хозяина местности, было идентичным – *Лао пату*. "Самая простая кумирня, какую мне довелось видеть в долине р. Сяо-Судухэ (р. *Киевка в Лазовском районе Приморского края – ред*), – общал С.Н. Браиловский, – представляла большой пенёк сломанного бурею дерева, с которого была содрана кора. В пне этом на полтора аршина от земли сделано топором углубление, куда горизонтально вставлена дощечка. Дощечка эта исполняла роль жертвенника, потому что на ней лежала буда, лоскутки кумача – приношения богу, которого в данном случае изображала стоявшая вертикально узенькая красная дощечка (в четверть величиною) с китайскими письменами" [7, с. 109].

Другая кумирня, которую видел С.Н. Браиловский на р. Та-Судухэ, была сооружена у подножья прямоствольного дерева. "На высоте от одного до полуторых аршин от земли срезают кору в виде треугольника. В стволе вырезают трёхгранный угол или просто вешают дощечку с китайскими письменами, и кумирня готова... Жертвенником при такой кумирне бывает или колода, или помост из коры, укрепляемый на сошках" [7, с. 183].

В.К. Арсеньев на одном из перевалов Сихотэ-Алиня к реке Вай-Фудин (р. Аввакумовка) кратко упоминает об одной из таких кумирен: "На самом перевале, у подножия большого кедра, стояла маленькая кумирня, сложенная из корья" [1, с. 164]. Аналогичные кумирни в приметных местах ставили не только тазы, но и иманские удгейцы. В конце 1960-х – начале 1970-х годов в бывшем селении Санчихеза нам приходилось встречать аналогичную кумирню. Она была устроена у подножия самого высокого и толстого в два обхвата береста *тидзанке*, растущего на Санчихезской сопке. Под деревом из тонких

⁵ Вершок – старинная русская мера длины равная 1/16 аршина или 4,44 см.

небольших палочек сооружалось некое подобие столика *дагю*, покрытого прямоугольным куском кедровой коры. На столике имелись стеклянные плоскости с жертвенной пищей. Рядом на соседних деревьях висели красные лоскутки ткани (АДВОРАН⁶. Ф. 13. Оп. 1. Д. 45. Л. 71–72). В метре от комоля или подножия береста имелась треугольная зарубка, известная у нанайцев и орочей под названием *пиухэ*, у *удэгейцев* – *пиу* или *тору*. Делалась *пиухэ* на деревьях с мягкой или твёрдой древесиной: на иве, тополе, липе, ели, пихте, кедре. Удэгейцы и орочи *пиухэ* – антропоморфные изображения духов – наносили на деревья хвойных пород – ель, пихту, кедр и др. Часто изображения *пиу* встречаются на бересте или ясене. Эвенки, эвены и негидальцы чаще под эти изображения использовали лиственницу. Термин "*пиу*" на удэгейском языке означает "ритуальное углубление в виде треугольника, вырезанного в дереве или высеченного в скале, рядом с которым ставился столик для жертвоприношений" [8, с. 252]. В.К. Арсеньеву у нанайцев удалось зафиксировать священное дерево рядом с их традиционным жилищем. "Гольдский балаган оказался развалившимся, – писал В.К. Арсеньев. – Около него на старой лиственнице грубо было вырезано большое человеческое лицо, запачканное смолой. Это *тору*, перед которым гольды каждый раз, выступая на охоту, совершали моления. Рядом с лиственницей на четырёх столбиках было поставлено деревянное корытце. В нем сжигались листья багульника и клались жертвоприношения. Бурхан имел такой вид, как будто он окарауливал развалины балагана и чем-то был весьма озабочен" [3, с. 510]. Промысловая кумирня *Лао пату* или *Ланату* сооружалась не только на приметных деревьях, но и на вершинах сопок, состоящих из плоских каменных плит. Считалось, что дух местности обитает среди таких сопок и сверху наблюдает за подопечными животными и людьми.

Каменная кумирня *Лао пату* сооружалась корневицами или охотниками всегда в тёплое время года. Место установки кумирни определялось наличием плоских камней, внешний вид которых напоминает прямоугольные строительные блоки разной длины, ширины и толщины. Выбор под строительную площадку для кумирни определялся не только наличием в большом количестве плоских камней, но и в прошлом удачным промыслом на этой сопке. Корневиц, нашедший дорогой корень женьшеня, в память об этой находке строил из камней кумирню и благодарил хозяина местности за удачный промысел. Такая промысловая кумирня до сих пор существует на западной стороне, в нескольких километрах от с. Михайловки. Это каменное сооружение в своём основании имеет прямоугольник длиной 180 и шириной – 80 см. Справа и слева на выбранной площадке основания (на глазок) выкладываются боковые вертикальные "стены-тумбочки" шириной 40 и длиной – 80 см, высотой 100 см, расстояние между правой и левой "стенками-тумбочками" доходит до 100 см. Затем эти "стены-тумбочки", стоящие друг против друга, сверху перекрываются покрытием из тех же плоских и крупных по размерам каменных плит. Таким образом, спереди такая постройка может напоминать букву "П". Задняя часть постройки закрывается несколькими вертикальными плитами, которые перекрывались верхним рядом (крышей) плоских камней. Фронтальная часть постройки всегда направлена в сторону тропы. Полностью построенную кумирню можно сравнить с каменной будкой с входным отверстием примерно 100x100 см. Внутри постройки, на задней стенке устанавливались рисунки божеств или вертикальные дощечки с именами Верховного владыки Лао-е и хозяина гор Сан-сын-е. Обязательно в кумирне имелись и красные флажки с китайскими письменами, на которых обязательно указывался тот дух местности, которому конкретно приносилось жертвоприношение за удачный промысел местности (**Полевые материалы автора**).

Мимо промысловой кумирни из местных или пришлых охотников никто не мог пройти. В противном случае промысловик лишался главного – удачи в промысле. Поэтому каждый корневиц, охотник, если замечал кумирню, обязательно подходил к ней, клал на жертвенное место свои дары: крупу, табак, водку и др. Возлагая дары хозяину местности, некоторые тазы за удачный промысел обещали хозяину гор, пожертвовать кабана или корову.

⁶ АДВОРАН – Архив Дальневосточного отделения Российской академии наук.

В западном направлении в окрестностях с. Михайловки существует распадок *Танюгоуза*, название которого переводится на русский язык как *Коровий распадок*. Из рассказов А.Г. Лан – жителя села Михайловки – известно, что один из корневщиков пообещал хозяину гор и леса за хороший корень женьшеня принести в дар корову. После этого корневщик находит очень дорогой корень. Тогда корневщик отвёл корову к кумирне и забил её в честь хозяина местности (**Полевые материалы автора**).

Коренные народы Нижнего Амура и Приморья, в том числе и тазы, собственноручно говоря, поклонялись не дереву, а запечатлённому на нём духу – посреднику между людьми и хозяином Неба – Эндури или Лао-е. "Дерево оттого и было священным, что дух-посредник Фиухэ (кур-урмийский диалект), или Пиухэ (среднеамурский), избрал его своим вместилищем, домом и жил, невидимый людям, внутри него" [9, с. 160–161].

Если удэгейцы ритуальную зарубку на священном дереве называют *пиу*, а нанайцы – *пиухэ*, то тазы её называют *пату*, а сам комплекс кумирни с треугольной зарубкой и жертвенным столиком – *Лао пату* (**Полевые материалы автора**).

Под термином *пату* одни тазы подразумевают место, где тазы занимаются поисками женьшеня или охотничьим промыслом. Другие тазы считают, что *пату* – это человек, предводитель отряда, группы промысловиков, хорошо знающий территорию промыслов. Главным его никто не выбирает, но все знают, что *пату* – это тот человек, который может обеспечить удачу в охоте на животных или в поисках целебного корня женьшеня.

Аналогичного мнения в выборе предводителя придерживались и удэгейцы. "В любом деле отдавалось предпочтение самому уважаемому, умному, мудрому и знающему человеку. Если удэгейцы шли на охоту, то группу возглавлял наиболее опытный охотник. Плаванием по реке руководил тот, кто лучше знал фарватер. При неизбежном столкновении с вражеским родом отряд возглавлял наиболее умный и рассудительный человек" [13, с. 21].

Тазы, орочи, удэгейцы и гольды, входившие в состав тазов Южно-Уссурийского края, хорошо знали способности каждого охотника, поэтому вожака не выбирали, он выдвигался сам. "Никто его старшим не выбирает, но все знают, что это его дело, и все подчиняются его голосу", – отмечал В.К. Арсеньев [1, с. 87]. Правильный выбор вожака обуславливал физическое выживание как отдельных членов, так и всей семьи или рода.

По нашему мнению, этимология термина промысловой кумирни под названием *Лао пату* означает понятие "священное место" или "священное дерево". Первая часть этого названия – "лао" может быть переведена как "божество", "священный", а "пату" – "место", "дерево". Первую часть сложного названия *лао пату* тазы заимствовали у китайцев, а вторую часть – *пату* – у кур-урмийских гольдов (нанайцев), которые этим термином называют комель дерева [12, с. 318]. Таким образом, дословный перевод слова *лао пату* может означать "священное место" или "священный комель", что в принципе не противоречит понятию – "священное дерево".

"Кроме того, на перевалах, равно у прибрежных скал часто можно встретить божнички, которые тоже позаимствованы орочами-удихэ от манз вместе с буддийской религией. Эти божнички представляют шкапики с двускатною крышею; с лицевой стороны – двустворчатая дверца. Эти божнички помещаются или на столбах или на высоких камнях" [7, с. 109–110]. Аналогичные промысловые кумирни, состоящие из небольшой скворечникообразной постройки, до наших дней сохранились у бикинских удэгейцев на священной скале Сивантай. Эту скалу вместе с кумиренкой удэгейцы считают священной и называют это место *Лаобату* [6, с. 183–184].

Рассмотренный комплекс ритуальных построек тазов наглядно свидетельствует о наличии этнического синкретизма двух культур. С одной стороны, например, наблюдается совмещение китайского термина *лао* с нанайским словом *пату* с конечным общим названием *лао пату*, означающим промысловую кумирню или имя духа местности. Аналогичное построение имеет и название общественной кумирни тазов. Термин *лаоинфу* состоит из китайского слова *лао* (священный), объединительного суффикса *ин* и маньчжурского слова *фу*, означающего понятие "стена, ограда" [12, с. 301]. Полный дословный перевод тазовского слова *лаоинфу* может означать "священная стена или

ограда", "священная постройка", что в принципе не противоречит понятию "кумирня".

Если в семейной кумирне *Лао-е-мяо* или *мёо*, поставленной на территории усадьбы, к духам местности или нужным божествам могли обращаться только члены семьи таза, то в общественной сельской кумирне молились жители конкретной местности, а в промысловых кумирнях, поставленных на перевалах или в местах таёжных промыслов, просить помощи у божеств или сделать поклон мог каждый проходящий человек.

Литература

1. Арсеньев В.К. Краткий географический очерк Уссурийского края (1901–1911 гг.) // Соч. Владивосток: Примиздат, 1948. Т. 5. С. 3–110.
2. Арсеньев В.К. По Уссурийскому краю. Путешествие в горную область Сихотэ-Алинь в 1906 г. // Собр. соч. в 6 томах. Владивосток: Альманах "Рубеж", 2007. Т. I. С. 43–396.
3. Арсеньев В.К. Сквозь тайгу // Собр. соч. в 6 томах. Владивосток: Альманах "Рубеж", 2011. Т. II. С. 479–604.
4. Арсеньев В.К. Краткий военно-географический и военно-статистический очерк Уссурийского края. 1901–1911 // Собр. соч. в 6 томах. Владивосток: Тихоокеанское издательство "Рубеж", 2012. Т. III. С. 63–322.
5. Арсеньев В.К. Китайцы в Уссурийском крае. Очерк историко-этнографический // Собр. соч. в 6 томах. Владивосток: Тихоокеанское издательство "Рубеж", 2012а. Т. III. С. 323–506.
6. Березницкий С.Н. Этнические компоненты верований и ритуалов коренных народов Амура-Сахалинского региона. Владивосток: Дальнаука, 2003. 487 с.
7. Браиловский С.Н. Тазы или удиhe: Опыт этнографического исследования (отд. оттиск из журнала "Живая старина"). СПб., 1901. 223 с.
8. Гирфанова А.Х. Словарь удгейского словаря. СПб.: Наука, 2001. 476 с.
9. Древний свет. Сказки, легенды, предания народов Хабаровского края. Очерки о фольклоре, запись и литературная обработка сказок Алины Чадаевой. Хабаровск: Хаб. кн. изд-во, 1990. 240 с.
10. Марков В.М. Республика Корея. Традиции и современность в культуре второй половины XX века. Взгляд из России. Владивосток: Изд-во Дальневосточ. ун-та, 1999. 448 с.
11. Сём Л.И. Тазы // Северная энциклопедия. М.: Европейское издание "Северные просторы", 2004. С. 929–932.
12. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю. Л.: Наука, 1977. Т. 2. 992 с.
13. Старцев А.Ф. Культура и быт удгейцев (вторая половина XIX–XX в.). Владивосток: Дальнаука, 2005. 444 с.
14. Старцев А.Ф. Мировоззрение тазов Ольгинского района Приморского края о природе // Инновационные технологии в науке и образовании: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 18 дек. 2015 г.). Чебоксары: ЦНС "Интерактив плюс", 2015. С. 55–63.
15. Старцев А.Ф. Тотемические пережитки тазов Ольгинского района Приморского края // Инновационная наука. 2016. № 3 (часть 4). С. 83–90.
16. Шаманизм народов Сибири. Этнографические материалы XVIII–XX вв.: хрестоматия: в 2 т. 2-е изд., испр. и доп. / Сост., вступ. ст., исслед., прилож., заключ., подбор ил. Т.Ю. Сём. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Нестор-История, 2011. 496 с.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Arsen'ev V.K. Kratkij geograficheskij ocherk Ussurijskogo kraja (1901–1911 gg.) // Soch. Vladivostok: Primizdat, 1948. T. 5. S. 3–110.
2. Arsen'ev V.K. Po Ussurijskomu krayu. Puteshestvie v gornuyu oblast' Sikhoteh-Alin' v 1906 g. // Sobr. soch. v 6 tomakh. Vladivostok: Al'manakh "Rubezh", 2007. T. I. S. 43–396.
3. Arsen'ev V.K. Skvoz' tajgu // Sobr. soch. v 6 tomakh. Vladivostok: Al'manakh "Rubezh", 2011. T. II. S. 479–604.
4. Arsen'ev V.K. Kratkij voenno-geograficheskij i voenno-statisticheskij ocherk Ussurijskogo kraja. 1901–1911 // Sobr. soch. v 6 tomakh. Vladivostok: Tikhookeanskoe izdatel'stvo "Rubezh", 2012. T. III. S. 63–322.

5. Arsen'ev V.K. Kitajtsy v Ussurijskom krae. Ocherk istoricheskoe-ehnotograficheskij // Sobr. soch. v 6 tomakh. Vladivostok: Tikhookeanskoe izdatel'stvo "Rubezh", 2012a. T. III. S. 323–506.
6. Bereznitskij S.N. Ehtnicheskie komponenty verovanij i ritualov korennykh narodov Amuro-Sakhalinskogo regiona. Vladivostok: Dal'nauka, 2003. 487 s.
7. Brailovskij S.N. Tazy ili udihe: Opyt ehnotograficheskogo issledovaniya (otd. ottisk iz zhurnala "ZHivaya starina"). SPb., 1901. 223 s.
8. Girfanova A.KH. Slovar' udehgejskogo slovarya. SPb.: Nauka, 2001. 476 s.
9. Drevnij svet. Skazki, legendy, predaniya narodov Khabarovskogo kraja. Ocherki o fol'klore, zapis' i literaturnaya obrabotka skazok Aliny CHadaevoj. Khabarovsk: Khab. kn. izd-vo, 1990. 240 s.
10. Markov V.M. Respublika Koreya. Traditsii i sovremennost' v kul'ture vtoroj poloviny XX veka. Vzglyad iz Rossii. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevostoch. un-ta, 1999. 448 s.
11. Syom L.I. Tazy // Severnaya ehntsiklopediya. M.: Evropejskoe izdanie "Severnye prostory", 2004. S. 929–932.
12. Sravnitel'nyj slovar' tunguso-man'chzhurskikh yazykov. Materialy k ehntimologicheskomu slovaryu. L.: Nauka, 1977. T. 2. 992 s.
13. Startsev A.F. Kul'tura i byt udehgejtsev (vtoraya polovina XIX–XX v.). Vladivostok: Dal'nauka, 2005. 444 s.
14. Startsev A.F. Mirovozzrenie tazov Ol'ginskogo rajona Primorskogo kraja o prirode // Innovatsionnye tekhnologii v nauke i obrazovanii: materialy IV Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Cheboksary, 18 dek. 2015 g.). Cheboksary: TSNS "Interaktiv plyus", 2015. S. 55–63.
15. Startsev A.F. Totemicheskie perezhitki tazov Ol'ginskogo rajona Primorskogo kraja // Innovatsionnaya nauka. 2016. № 3 (chast' 4). S. 83–90.
16. SHamanizm narodov Sibiri. Ehtnograficheskie materialy XVIII–XX vv.: khrestomatiya: v 2 t. 2-e izd., ispr. i dop./ Sost., vstup. st., issled., prilozh., zaklyuch., podbor il. T.YU. Syom. SPb.: Filologicheskij fakul'tet SpbGU; Nestor-Istoriya, 2011. 496 s.

Старцев А.Ф. Религиозные воззрения и культовые сооружения тазов Приморского края.

В исследовании рассматривается проблема взаимоотношений божеств, хозяев и духов природы с тазами Ольгинского района – одним из малочисленных этносов Приморского края. Основная цель и задачи исследования заключаются в показе разных культовых сооружений. В культуре тазов бытовали семейные, промысловые и общественные кумиры, в которых происходил процесс общения тазов с божествами и хозяевами природы. Определённое внимание уделяется этимологии этнических названий, связанных с культовыми постройками, божествами и хозяевами природы.

Ключевые слова: культура, этнос, тазы, Верховное божество, хозяин гор, дух деревьев, община, священная постройка

Starcev A.F. Religious views and cult constructions of Tazy of Primorsky Krai.

In research the problem of relationship of deities, owners and spirits of the nature with Tazy of the Olginsky area – one of small ethnoses of Primorsky Krai is considered. The main objective and research problems consists in display of different cult constructions. In culture of Tazy there were family, trade and public kumirn, in which there was a process of communication of Tazy with deities and owners of the nature. A certain attention is paid to etymology of the ethnic names connected with cult constructions, deities and owners of the nature.

Key words: culture, ethnos, Tazy, Supreme deity, owner of mountains, spirit of trees, community, sacred construction

---

Для цитирования: Старцев А.Ф. Религиозные воззрения и культовые сооружения тазов Приморского края // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 1. С. 74–81. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-1/74-81

For citation: Starcev A.F. Religious views and cult constructions of Tazy of Primorsky Krai // Ojkuмена. Regional researches. 2019. № 1. P. 74–81. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-1/74-81

